

*По вечной земле, кряхтя и стеноя, шагая
по миру пешком,
Усталые ноги до крови стирая, ложь
постучалась в дом.
Она очень тихо просила погреться, вода ей
нужна и еда,
Сделав три шага, выбрала место и осталась
в нем навсегда.
Дом в паутину легко нарядила, семью
погрузила в сон.
Черной вуалью радость накрыла, поставила
счастью заслон.
И, посчитав, что она победила, с бриаровой
трубкой во рту
В кресле-качалке ложь задремала, отравив
дом и мечту.
Но ошибалась злодейка, что вечна,
и получила урок.
Знай, у любой обманщицы с трубкой есть
свой годности срок.*

В этом детективе, как у Алисы в Зазеркалье, все не то, чем кажется. А если вдруг покажется тем, то знайте, это точно не то, что совсем наоборот. Словом, если вы найдете совпадения, они случайны. Виновата же во всем безудержная фантазия автора, сам же автор к этому безобразию абсолютно непричастен.

Глава 1

РАЗГОВОР С ПОРТРЕТОМ

— Сволочь, Шурик, ну какая же ты сволочь, — шептала себе под нос Зинка, вытирая рукавом соленые слезы.

Она не обращала внимания на дождь, который противно моросил, основательно подтвердив наступление осени. Листья опали, неприлично оголив стволы деревьев, равнодушно бросая их на растерзание холодов. Это сейчас полностью дополняло Зинкино настроение. Ком, стоявший в горле последние две недели, теперь растворился и превратился в слезы. Горькие слезы лились из самой души, она не плакала так даже на похоронах деда.

Зинка с детства знала, что слезы — это слабость, а слабый человек очень уязвим. Этому

научил ее дед, как же его сейчас не хватает, как же плохо без него. Он обязательно бы нашел нужные слова, усадил бы ее в кресло в своем кабинете, налил бы чай в граненый стакан с железным подстаканником, гравировка на котором гласила: «Савелию Сергеевичу на долгую память от соратников», и сказал бы: «Ну, давай разбирать твою проблему по косточкам». И сразу же после его разборов она переставала быть проблемой, а становилась просто обстоятельством, которое необходимо преодолеть.

— Ну зачем ты ушел? — крикнула Зина в пасмурное московское небо, — почему бросил меня?

Небо, словно не заметив этой ее истерики, благоразумно промолчало, а Зинка с новой силой стала увеличивать влажность в и так довольно сырой Москве. Сейчас она уже не понимала, по кому плачет — по предателю Шурику или по любимому деду. Дождь разошелся не на шутку и вместо морозящего душа полился сплошным потоком, поэтому в свой подъезд Зинка уже вбегала совершенно мокрая. Пробежала мимо лифта, она не любила это старое сооружение, похожее на голодного дракона, который со страшным скрипом старается проглотить побольше людей, и стала медленно подниматься по лестнице. Она жила в этом доме с самого детства,

знала каждую ступеньку: они были широкие, красивые и до квартиры их было ровно сорок. Когда-то маленькой девочкой спускаясь по ним, она представляла себя принцессой, актрисой, а позже и президентом страны, маленькую Зинку дед всегда приучал мечтать глобально. «Понимаешь, Зинаида, — говорил он, — только тот человек, который хочет полететь к звездам, обязательно поднимется в небо. Наши желания и мечты где-то на уровне метафизического и пока не изучены человечеством, но, поверь мне, загадка успеха любого индивида лежит именно в них». И вот она, невзрачная девушка, и мечтала о красавце женихе. В ее двадцать два года подружки уже побывали замужем, а некоторые, самые шустрые, даже успели развестись, а она продолжала мечтать, стараясь не размениваться на мелочи. Правда, месяц назад ей показалось, что мечты начинают сбываться. Неужели показалось?

Тяжелая дверь впустила ее в пустую квартиру, сейчас она была холодная и неживая, будто умерла две недели назад вместе со своим хозяином, а ведь еще четырнадцать дней назад дед, шаркая домашними тапками, которые теперь торжественно стояли на тумбочке, как экспонат в музее, вышел бы ей навстречу и, мигом оценив обстановку, поставил бы ее мир на место. Но деда нет.

Скинув с себя мокрую одежду и закутавшись в махровый халат, она налила горячий чай в дедову кружку и по привычке уселась в огромное кресло в кабинете. Над рабочим столом висел портрет неизвестного Зинке автора, на нем дед, еще молодой мужчина с огоньком во взгляде, одними глазами улыбался внучке.

— Тебя нет, — стала разговаривать она с портретом, — но есть кресло, чай и проблема. Попробую сама. Итак, Шурик. Да, я его люблю, но не чувствую от него ответа. Мне кажется, что он просто такой человек — безэмоциональный, мы начали с ним встречаться буквально за две недели до твоей смерти, и я просто не успела вас познакомить. Так вот, он по натуре холодный, не умеет выражать свои эмоции.

Горячий чай и воспоминание о Шурике заставили Зинку улыбнуться.

— Но зато он очень трепетный, — продолжила она убеждать портрет, — мы с ним много разговариваем, ему все интересно про меня. А ты знаешь, какой он стеснительный, боится ко мне даже прикоснуться. Еще Шурик постоянно занят, и у него много друзей, с которыми ему необходимо встретиться. Ты думаешь, я его оправдываю, — грустно констатировала она, глядя на портрет на стене, — и скажешь, кто любит, тот обязательно

найдет на тебя время. Но ведь бывают разные обстоятельства, неотложные, правда? — попыталась Зинка спорить с молчаливым собеседником, но в душе она все понимала: после смерти деда они практически не встречались с Шуриком, их свидания ограничивались несколькими очень скомканными встречами днем в кафе или он приходил к ней вечером пьяный и рассказывал какие-то невероятные истории. Потом, обняв ее, засыпал в гостиной на диване.

— Да, сегодня я очень обиделась, — продолжала Зинка самостоятельный разбор проблем, — когда он пришел на встречу, то был очень недоволен и раздражителен, ведь это я настаивала на ней. Посидев в кафе всего десять минут, он убежал, чтобы встретиться с другом. Да, я увидела, как он садится к девушке в машину, но кто сказал, что друг не может быть девушкой? Да знаю я, — махнула она рукой на портрет, — ты всегда считал, что дружбы между мужчиной и женщиной не существует, но это твое личное мнение и не истина в последней инстанции. Пойми, — уже совершенно другим тоном продолжила она, — я не могу без него. Когда он рядом, мое сердце бьется сильнее и я готова все ему простить и в любую чушь поверить. Скажешь, глупости! — опять закричала она и по холодному паркету подбежала к старому зеркалу,

висевшему тут же в кабинете. — Смотри, какая я страшная, — предложила она, как будто дед был рядом и мог взглянуть вместе с ней в старое зазеркалье.

Сейчас отражение в зеркале подтверждало ее слова. Мокрые рыжие волосы редкими сосульками покрывали махровый халат. Глаза хоть и были всегда ее гордостью, неся в себе редкий зеленый цвет, сейчас потухли и стали болотными в обрамлении бесцветных рыжих ресниц. Ну а веснушки, вечное наказание, несмотря на осень, еще ярче проявились на ее лице. В общем, так себе зрелище — ни прибавить, ни убавить.

— А он, он знаешь какой, — мечтательно сказала Зинка, пристально всматриваясь в зеркало, будто отражение могло поменяться, — он самый классный парень, которого я знаю, высокий, красивый, я влюбилась в него с первого взгляда. Он сам подошел ко мне, понимаешь, сам, на ступеньках института при всех одноклассниках и пригласил в кино. Я была тогда самой счастливой на свете, я летела домой, тебя не было, ты, как всегда, был в командировке, и я танцевала по всем комнатам не в силах перестать улыбаться.

Даже сейчас, вспоминая тот счастливый момент, Зинка улыбнулась своему отражению, в голове всплывали картинки, как она пришла на следующий день в институт гор-

дая настолько, будто выиграла в лотерею, как минимум сорвала джекпот, но именно так она тогда и считала.

Душа где-то на уровне солнечного сплетения шевельнулась от радостных воспоминаний. К слову, Зинка была уверена, что душа находится именно там. Ей очень нравилось выражение «солнечное сплетение» — словно тысяча солнц сплелись в одном месте и никак не могут распутать свои лучи. Своими запутанными лучами, словно щупальцами, они защищают человеческую душу от внешнего мира. Ведь у всех, абсолютно у всех людей на земле, несмотря на пол и возраст, она беззащитна. Зинка верила, что, когда на земле встречаются два человека, предназначенных друг другу судьбой, словно проснувшись, солнца распутывают свои лучи и выпускают их души навстречу друг другу. Она даже не помнила, где умудрилась прочитать такую красивую историю, возможно, это были сказки, что рассказывал ей в детстве перед сном дед.

Тогда ей показалось, что солнечное сплетение проснулось, что душа поет. Подруги, конечно, завидовали и предупреждали, что, скорее всего, с такой внешностью он бабник и она для него очередная жертва, но она никому не верила, не хотела. Позже их общение стало вяло стабильным, но Зинка была рада любому вниманию со стороны Шурика.

Кстати, он очень бесился, когда она его так называла. Друзья называли его Алекс, учителя Александром, мама Сашенькой — эту информацию Зинка специально узнала в первый день общения с ним. И собрав все имеющиеся производные его имени, поняла, что не занято только Шурик. Своего любимого надо называть как-то по-особенному, как не зовет его никто, искренне считала она, так будешь делать только ты, и, когда он услышит это имя, любимый будет всегда вспоминать тебя. Правда, он до сих пор сопротивлялся уменьшительно-ласкательному, которое она выбрала для общения, но Зина считала, что все это временно и Шурик обязательно привыкнет. Ведь свое имя Зинка тоже не любила, но смирилась.

В семье была такая легенда. Мама с папой, оба студенты геологоразведочного института, были очень самостоятельными молодыми людьми и жили в общежитии рядом с институтом. Когда в молодой семье родилась маленькая дочь, вместе с отцом рождение нового человека отмечала вся общага. Мама, попросив мужа сходить в ЗАГС и оформить маленькому ребенку свидетельство о рождении, совершила роковую ошибку. Отец с мутным взглядом и затуманенной головой просто напрочь забыл имя, которым жена просила записать дочь. Когда же представи-

тельная во всех отношениях дама угрожающе посмотрела на забывчивого папашу и уже хотела его с позором выгнать из серьезного учреждения, папа, молодой человек со смекалкой настоящего русского, прочитав красивый бейдж работницы ЗАГСа, записал дочь Зиной. Раздражение от своего имени и счастье представительной дамы из ЗАГСа не шли ни в какое сравнение, но исправить уже ничего было нельзя. Дед говорил, что имя — это путь, и дается оно не просто так, его надо обязательно пройти, чтобы выполнить свое предназначение, сменить имя — значит струсить и пойти совсем другой дорогой. Но смирилась Зинка только после того, как тот же дед прочитал ей стихотворение великой русской поэтессы Юлии Друниной, стих так и назывался — «Зинка». Бывшая фронтовичка, а теперь поэтесса рассказывала в нем о своей героической подруге, Зинкиной тезке. И теперь, когда становилось трудно, она всегда повторяла про себя строчки: «Знаешь, Зинка, я против грусти».

Махровый халат и горячий чай помогли, в зеркало уже смотрело совсем другое лицо, она успокоилась. Зинка была внешне очень похожа на отца, но по характеру вылитая мать, сама же она всегда мечтала быть похожей на деда. Родители ее были хорошими геологами, имеющими множество званий

